

СООБЩЕСТВО КАК ДАННОСТЬ И СООБЩЕСТВО КАК ПРОЦЕСС: СТРАТЕГИИ ИЗУЧЕНИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ

Иван Павлуткин, Григорий Юдин

Иван Павлуткин – доцент факультета социальных наук НИУ ВШЭ. Адрес для переписки: НИУ ВШЭ, ул. Мясницкая, 9-11, ком. 503, Москва, 101000, Россия. ipavlutkin@hse.ru.

Григорий Юдин – старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ. Адрес для переписки: НИУ ВШЭ, ул. Мясницкая, 9-11, ком. 503, Москва, 101000, Россия. greg.yudin@hse.ru.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Локальное сообщество в малом городе: основания для объединения»), проект № 14-33-01339 при поддержке Научного фонда НИУ ВШЭ.

Исследования сообществ в социальной науке склонны рассматривать сообщество как заранее данный объект со структурными характеристиками, которые необходимо прояснить. Этот подход имеет длительную традицию в социальной науке и в особенности распространен в исследовании локальных сообществ и, в частности, малых городов. Но правомерно ли называть сообществами любые пространственно локализованные социальные агрегаты? В настоящей работе показано, что при таком подходе к изучению сообществ ускользает проблематика, связанная со сплочением и дезинтеграцией сообществ. С опорой на классическую социологическую теорию мы предлагаем стратегию анализа, основанную на внимании к динамике социальной плотности и понимании сообщества как процесса. Основываясь на результатах эмпирических исследований российских малых городов, мы раскрываем некоторые действенные механизмы сплочения и поддержания сообщества.

Ключевые слова: сообщество; малый город; социальное сплочение; дарообмен; локальная идентичность

Социальные ученые нередко пользуются понятиями «аномия» и «атомизация» для характеристики современной России. Низкий уровень социального единства и солидарности отмечается в разных областях – от профессиональных объединений до коммуникации между соседями, от политической самоорганизации до дружеских и семейных связей. В поисках зон повышенной социальной солидарности социологи нередко обращаются к исследованию сообществ, поскольку сообщество традиционно выступает в социальной науке как фигура, обозна-

чающая высокую степень социального единства (Добрякова 1999; Ледяев 2012; Delanty 2003). У российских ученых особый интерес вызывают локальные сообщества в малых городах, которые в результате экономических реформ 1990-х годов потеряли не только хозяйственную базу, но и привычный образ жизни (это в особенности относится к так называемым моногородам (Плюсинин 2000; Димке и Корюхина 2013)).

Согласно синтетическому определению, предложенному Норбертом Элиасом, сообщество – это «группа домохозяйств, расположенных в одном месте и связанных друг с другом функциональной взаимозависимостью, более тесной, чем аналогичная взаимозависимость с другими группами людей в рамках социального поля, к которому принадлежит сообщество» (Elias 1974:ix). В этом определении две части: одна из них отсылает к локальности, другая – к социальной плотности¹. Эти компоненты относительно независимы, однако часто в эмпирических исследованиях возникает искушение рассматривать их как взаимосвязанные. В самом деле, зафиксировать пространственную близость гораздо проще, чем функциональную связь, и тогда вторую можно рассматривать как продолжение первой. В таком случае существование сообщества воспринимается как факт, который не нуждается в обосновании. Пространственная компактность сообщества побуждает рассматривать его как объект, существование которого заранее зафиксировано, и позволяет приступить к изучению разных сторон его жизни.

При таком подходе от внимания исследователя ускользает то, что представляет наибольший интерес, когда мы задумываемся о смысле понятия «сообщество», а именно – возможность становления сообщества, с одной стороны, и его неустойчивость – с другой. Чтобы увидеть, за счет каких процессов и усилий возможно увеличение плотности, по каким законам функционируют эти процессы, необходимо помыслить сообщество как «мерцающий» объект, как процесс, а плотность сообщества – как переменную. Только в этом случае сообщество как единица повышенной социальной плотности может стать исследовательской проблемой.

В данном тексте мы покажем, что, несмотря на серьезную теоретическую и эмпирическую традицию, стоящую за исследованиями сообществ как «готовых» объектов, для работ классиков социологии характерен взгляд на сообщество как на динамический объект. Теоретическая аргументация призвана продемонстрировать, что возвращение к классической постановке вопроса о сообществе необходимо в контексте изучения проблемы атомизации. Далее мы приведем примеры наших полевых исследований в малых городах, показывающие, как этот взгляд на сообщество позволяет распознать факторы, стоящие за солидаризацией и атомизацией сообществ. Разные ответы на вопрос «Что удерживает сообщество?» читатель найдет в следующих текстах этого блока полевых заметок.

¹ Мы будем понимать под плотностью сообщества плотность взаимодействия в нем, так и его моральное единство. Такое употребление несколько отличается от идеи «моральной и динамической плотности» Эмиля Дюркгейма, которая возрастает вместе с прогрессом разделения труда ([1893] 1991:240).

ДВЕ ТРАДИЦИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ СООБЩЕСТВ

Эмпирические исследования сообществ (*community studies*) – весьма развитое направление в мировой социальной науке. При этом, несмотря на всю разнородность, существующие подходы к эмпирическому исследованию сообществ имеют и общие черты. Пояснить их будет проще через указание на их истоки в истории науки XX века.

Существуют две основные традиции, на которые в течение длительного времени опираются исследования сообществ, – обе они оформились в 1920–1930-е годы. Причем, несмотря на определенные расхождения между ними, на которые мы далее укажем, в целом они обычно выступают как взаимодополняющие основания для социологической работы. Обе традиции изначально имели эмпирический уклон, но в то же время основывались на ряде теоретических положений, о которых имеет смысл сказать подробнее. Эти положения специфическим и ограниченным образом интерпретируют классиков социологической теории, и в дальнейшем мы покажем, что работы основоположников социальной науки оставляют простор для альтернативного подхода к изучению сообщества.

Первую из этих традиций можно назвать *антропологической*, потому что она формировалась вместе с развитием полевой антропологии. Для антропологов категория «сообщество» всегда имела ключевое значение, поскольку отсылает к относительно автономным и компактно расположенным племенам с собственной культурой. Такой объект поддается детальному и систематическому эмпирическому описанию – именно эту задачу планировал решать методом включенного наблюдения родоначальник полевой антропологии Бронислав Малиновский ([1922] 2004). Если, как предполагается в антропологии, предметом ее интереса является культура, то сообщество – это субстрат культуры, сравнительно изолированный и гомогенный. По словам Альфреда Крёбера, закрепившего культуру в качестве самостоятельного предмета исследования, культура – это «результаты деятельности – осязаемые и неосязаемые – отдельных индивидов, живущих сообществами»; существование культуры «тесно связано с жизнью человеческих сообществ, более того – прямо зависит от них» (Крёбер [1957] 1997:240).

Последователи Малиновского, особенно в Британии, разделяли его взгляд на культуру как целостную систему, состоящую из взаимосвязанных элементов, скрепляющих сообщество (Малиновский 1997). Не все из них поддерживали его функциональный подход, который каждому элементу культуры приписывал функцию в удовлетворении индивидуальных потребностей. Но даже те, кто расходился с функционализмом Малиновского, говоря о культуре, имели в виду «образ жизни как целостность, – включая способы мышления, – в отдельном локально ограниченном сообществе» (Рэдклифф-Браун [1952] 2001:22). Наконец, именно под влиянием этой традиции сформировались представления Толкотта Парсонса об обществе, а позже – об «общественном сообществе» как нормативном идеале (Parsons 2007). Поздний Парсонс видел современное общество сообществом, интегрированным на основе гражданства (Gerhardt 2011:258ff).

Наиболее интересный аспект этой связки «культура – сообщество» состоит в том, что она исходит из изначальной данности сообщества, как если бы не было

никакого другого способа существования людей, кроме жизни в сообществах. В самом деле, антропологов интересуют культурное измерение человека и культура как особая реальность, отличающая его от прочих видов. Отсюда легко вывести, что сообщество, если пользоваться терминологией Крёбера, – «сверхорганическая», но все же «естественная» форма существования человека. Она обладает собственными универсальными структурными закономерностями и переменными параметрами, выяснение которых составляет ключевую задачу социальной науки.

Наиболее удобным полигоном для такого исследования с самого начала выступали племена, отличавшиеся, во-первых, ограниченными межкультурными контактами, а во-вторых – относительной структурной простотой. Эти сообщества, существовавшие длительное время в неприкосновенности, предоставляли европейскому наблюдателю возможность обратиться к собственному далекому и примитивному прошлому – совершить путешествие во времени с помощью путешествия в пространстве (Fabian 2014). Антропология, сформировавшаяся как «наука о Другом», предпочитала искать инаковость подалеже от собственных берегов, и прошло немало времени, прежде чем европейцы обратили антропологическую методологию на себя. Примерно так же выглядела ситуация и в Америке с той лишь поправкой, что резервации индейцев были удобным объектом для антропологов начиная с XIX века, однако культурная дистанция, отделявшая колонизаторов от коренного населения, компенсировала эту пространственную близость.

В 1930–1950-е годы прорывом антропологов на собственный континент стали исследования супругов Линд «Middletown» (Lynd and Lynd 1929) и Уильяма Ллойда Уорнера «Янки-Сити». Уорнер, решивший сделать детализированное антропологическое наблюдение за американским городом, столкнулся с необходимостью адаптировать методы и теорию антропологии, поскольку антропология привыкла рассматривать изменение как процесс, индуцированный извне, тогда как американский город является частью более обширной культуры и обладает очевидной эндогенной культурной динамикой (Warner 1952:33). Работа Уорнера подвергалась обширной критике (Bell and Newby 1974), однако она открыла дорогу для этнографического наблюдения за сообществами в евроамериканской культуре. Прежде каноны антропологии требовали, чтобы наблюдаемое сообщество было культурно удалено от наблюдателя для создания дистанции объективности. Теперь же появилась возможность различать и описывать инаковость в рамках собственной культуры. Стоит обратить внимание, что с этих позиций задача описания сообщества в собственной стране на самом деле методологически гораздо сложнее включенного наблюдения в чужой культуре, поскольку она требует от наблюдателя научиться смотреть на привычное как на незнакомое, становиться чужаком в привычном ему мире.

Сходные процессы начались в 1960–1970-е годы в Европе (Cole 1977). Одной из причин стало затруднение доступа к удаленным объектам полевой работы в условиях распада колониализма. Более важен, однако, эпистемический переворот, спровоцированный критикой колониализма и тем, что антропология осознала себя как продукт политического противопоставления развитого Запада отсталому остальному миру. В результате в рамках антропологии возникла сильная

тенденция к рефлексивному исследованию, которое обращает инструментарий антрополога на изучение происхождения его собственного знания (Scholte 1972). Исследования сообществ в Европе стали частью этого поворота, причем поначалу особое внимание уделялось сельской жизни, которая предположительно сохранила традицию и наилучшим образом соответствовала антропологической идее сообщества как естественной единицы культурной жизни (например, Frankenberg 1966).

Благодаря этому смещению акцента в поле зрения сельской социологии попало, в частности, и советское село (Shanin 1971, 1972). В работах Теодора Шанина колониализм преодолевался за счет совмещения теоретической базы европейской социологии и культурной антропологии с моделями знания, существовавшими в СССР. В это же время в европейской антропологии появился и интерес к раннесоветским политическим проектам аграрного экономиста Александра Чаянова, в которых сильна коммунитаристская составляющая и акцент на роли семейно-трудовых хозяйств (Чаянов 1989).

В целом, характеризуя антропологическую традицию, следует отметить, что интерес к сообществам может возникать по разным причинам. Если для Уорнера сообщество – это «лаборатория», в которой отражается, как в капле воды, американское общество, то для многих европейских этнографов сообщество – это носитель угасающей традиции подлинной социальной жизни. Впрочем, и в том, и в другом случае исследуемое сообщество следует «обнаружить» до начала исследования. Этой цели служат как техники отбора объекта, так и теоретическое описание определенных социальных агрегатов (например, малых городов или сел) как сообществ.

Другая традиция исследования сообществ, *экологическая*, исходит из иных базовых посылок, однако руководствуется сходной методологией. Основной пафос исследований по социальной экологии, инициированных знаменитой Чикагской школой социологии, напротив, состоит в том, что романтики преждевременно возвестили гибель сообщества в результате урбанизации. Люди по-прежнему склонны концентрироваться в пространстве, объединяться в сообщества, хотя городские сообщества обнаруживают гораздо больше гетерогенности и функционируют по ранее не знакомым социальной науке принципам (Парк [1926] 2006; Goist 1971). Близким термином здесь является *neighborhood* – соседское сообщество, которое возникает в результате естественного разделения города на сегменты.

Именно концепция «естественных зон» стала ключевой для Роберта Парка и его ближайших последователей (Stein 1960:27ff). Она во многом определила методологию исследования сообществ, которая основана на поиске зон повышенной социальной плотности и последующем изучении их специфической культуры. Таким образом были описаны механизмы преступной социализации в трущобах (Shaw 1930), условия сохранения национальных традиций в гетто (Wirth 1928), а также способы взаимодействия между внутригородскими субкультурами (Zorbaugh 1929). Впоследствии аналогичный подход использовался за пределами США – в первую очередь, в Британии (Willmott and Young 1960; см. обзор в Blackshaw 2009).

После Второй мировой войны произошло сближение антропологической и экологической традиций. По мере того как антропологи переключались на исследование родной для себя среды, а социальные экологи вырабатывали критический подход к отношениям неравенства, которые воспроизводятся в сообществах, различия между двумя линиями становились менее заметными. Они практически стерлись в 1980-е годы, когда термин «сообщество» подвергся заметной пролиферации. У этого понятия традиционно было множество определений, однако после выхода работ Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества» ([1982] 2001) и Энтони Коэна «Символическое конструирование сообщества» (Cohen 1985) оно перестало обозначать локальную единицу, территориальную близость. Внимание переключилось на искусственность, историчность отношений сообщества, которая особенно заметна в конструировании таких примордиальных, на первый взгляд, сообществ, как нация. Вследствие этого появилась возможность на эмпирическом уровне определить почти любую устойчивую регламентированную коммуникацию как сообщество, что привело к волне исследований «виртуальных сообществ», «сообществ потребителей» и т.д.

Исходный акцент на способности сообщества полностью поглощать индивида и детерминировать его жизнь и траекторию уступил место поиску относительно устойчивых объединений, которые способны хотя бы временно воздействовать на идентичность индивидов. Обращая внимание на контраст между традиционным значением термина и его поздним употреблением, Эрик Хобсбаум жаловался, что «никогда раньше слово “сообщество” не употреблялось столь неразборчиво и бездумно, как в те десятилетия, когда сообщества в социологическом смысле слова в реальной жизни почти не осталось» ([1994] 2004:456). Потеря исходной ориентации исследований сообществ привела к тому, что все это поле в целом периодически подвергается серьезной критике (Stein 1960; Stacey 1969; Brint 2001).

Общая черта обеих описанных традиций – стремление зафиксировать уже существующее сообщество с тем, чтобы в дальнейшем подвергнуть его структурному анализу, объяснить принципы функционирования и взаимодействия с другими сообществами. В результате последующего развития конструктивистских подходов эта стратегия подверглась некоторой коррекции, поскольку исследователи стали уделять больше внимания возникновению сообществ (Cohen 2000; Amit 2002). Однако в целом сообщество по-прежнему преимущественно понимается как некая устойчивая единица, пусть и с собственной историей становления. При таком подходе из поля зрения выпадает динамический характер сообщества, его способность к изменению плотности. Как мы покажем далее, эта особенность была ключевой для классиков социологии, и она указывает на возможность альтернативного подхода к изучению сообщества.

ПРОБЛЕМА СООБЩЕСТВА В РАБОТАХ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ СОЦИОЛОГИИ

В известной работе «Урбанизм как образ жизни» один из ведущих представителей Чикагской школы Луис Вирт подчеркивает, что в социологической теории понимание города выстраивается на оппозиции сельскому сообществу. Город характеризу-

ется повышением численности населения, его плотности, а также гетерогенности, в результате чего «город как сообщество распадается на совокупность слабых сегментарных связей, накладывающихся на территориальную основу с определенно обозначенным центром, но без четко определенной периферии, и на разделение труда, которое выходит далеко за границы непосредственного местоположения города и оплетает собой весь мир» (Вирт [1938] 2005:117). Тем самым Вирт указывает на ключевую характеристику классической социологии сообщества – континуум «город/село». Однако для чикагской традиции наиболее важными были те следствия этой идеи, которые применимы для исследований города, а сама идея континуальности сообщества, взгляд на сообщество как на переменную, так и остались без должного внимания.

Хорошо известно, что для Фердинанда Тённиса ([1887] 2002) «общность»² и «общество» выступали двумя чистыми типами, аналитической оппозицией, с помощью которой объяснялась социальная эволюция. Таким же образом подходили к этим терминам авторы, перенявшие терминологию Тённиса. К их числу относится и Макс Вебер, который уточнял, что следует говорить скорее о тенденциях к формированию отношений по типу «общность» или по типу «общество», зависимости от того, на чем они основаны – на «субъективно чувствуемой сплоченности» или рациональном балансировании интересов ([1920] 2008:116). То же верно и для предложенной Эмилем Дюркгеймом ([1893] 1991) оппозиции «механическая/органическая солидарность», которая стала еще одним важным основанием для исследований сообществ: это также идеализации, позволяющие характеризовать социальные агрегаты.

Ключевая идея, объединяющая классические трактовки сообщества, состоит в том, что сообщество правильно представлять как переменную, характеризующую степень сплоченности человеческих объединений. Сообщество – это не заранее данный эмпирический объект, воплощение исчезающего идеала романтиков, но форма консолидации, отличающаяся высоким уровнем солидарности, и социальные агрегаты могут обладать такой солидарностью в разной мере³. Иными словами, если классическая социология оперировала скорее континуальной моделью сообщества, то «общность» Тённиса, как и «солидарность» у Дюркгейма, – параметр, который может принимать разные значения. Однако в дальнейшем исследования сообществ заменили эту континуальную модель статичной.

² Вся англоязычная традиция не проводит различий между «сообществом» и «общностью», так как то и другое переводится словом *community* (в то время как для слова «общество» используется *society*).

³ При этом Дюркгейм понимает моральную плотность как обладающую способностью принимать низкие значения в условиях механической солидарности, и высокие – в условиях органической (Дюркгейм [1893] 1991:553). В то же время он утверждает, что «общественная солидарность – чисто моральное явление» (65) и что «всякое общество – моральное общество» (215), из-за чего соотношение между моральной плотностью и механической солидарностью остается не вполне ясным. Поскольку для нас здесь не имеют большого значения различия между типами солидарности, мы говорим о повышении социальной и моральной плотности в случаях увеличения солидарности.

Как в таком случае следует относиться к континууму «город/село», который, по справедливому замечанию Вирта, составлял основу классической теории социальной эволюции? Нет сомнений, что компактные изолированные объединения обнаруживают высокую социальную плотность и в этом смысле выступают образцом сообщества, в то время как мегаполисы с их многообразием социальных взаимодействий указывают на распад сообщества и создают угрозу аномии в дюркгеймовском смысле. Однако это не означает, что любое село или небольшой город по умолчанию представляют собой «сообщество» в указанном смысле, а любой крупный город заведомо лишен этого качества. Если не принимать это соображение во внимание, то методология исследования сообществ будет применяться к социальным агрегатам, которые на самом деле сообществами не являются; и напротив, от нее будут ускользать объекты с высокой социальной плотностью, обладающие теми свойствами, которые представляли наибольшую важность для классиков социологии.

Развитие континуального взгляда на сообщество можно обнаружить в поздних работах Дюркгейма, а также в исследованиях некоторых его последователей. В книге «Элементарные формы религиозной жизни» Дюркгейм отходит от ранней теории солидарности, которая опиралась на представление о необходимой трансформации одних форм человеческой сплоченности в другие. На первый план выходит идея о том, что сплоченность – это динамическая характеристика человеческих отношений, и ее изменения носят волнообразный характер. В тот промежуток времени, когда люди испытывают прилив эмоциональной близости («бурление»), можно с более вескими основаниями говорить о наличии сообщества как социального единства. В дальнейшем коллективные чувства идут на спад, уступая место индивидуализации, однако через некоторое время они вновь активизируются (Durkheim [1912] 1968; Дюркгейм [1914] 2013).

Эту идею впоследствии разворачивает антрополог Виктор Тёрнер в своей концепции «коммунитас». Этим термином он обозначает сообщество, понятое как состояние, для того, чтобы дистанцироваться от традиции изучения статичных сообществ. Как и Дюркгейм, Тёрнер полагает, что любой социальный агрегат нуждается в том, чтобы время от времени повышать свою плотность и вызывать вспышки коллективных эмоций у своих членов. Такие состояния Тёрнер противопоставляет упорядоченной и структурированной жизни общества ([1966] 1983). Энтони Коэн следует за Дюркгеймом и Тёрнером в переосмыслении соотношения механической и органической солидарности, отмечая, что неверно «рассматривать переход между типами как неумолимый процесс изменения, который делает их исторически несовместимыми», а также «рассматривать природу человеческого объединения исключительно как производную от преобладающих характеристик его структурного контекста – таких, как размер и масштаб» (Cohen 1985:27).

Данный подход позволяет задать ряд вопросов, которые ускользают от статичного подхода к сообществу. Применительно к каждому социальному агрегату можно спросить: в какой степени и в каком смысле он является сообществом? Речь не идет о том, чтобы свести проблему сообщества к количественному

измерению нескольких индикаторов; скорее, таким образом внимание направляется на те очаги социальной плотности, которые создают единство и условия для коллективного действия. Следующий вопрос состоит в том, за счет чего возникает и поддерживается сообщество, каковы те символические механизмы, которые позволяют людям ощущать себя частью единого целого? Соответствующие исследования позволят решить фундаментальную задачу, стоящую перед исследователями сообществ, – объяснить, каким образом становится возможным формирование относительно устойчивых социальных единств в условиях атомизации.

МОБИЛИЗАЦИЯ И ПОДДЕРЖАНИЕ СООБЩЕСТВ

В этой части статьи мы укажем на некоторые ключевые механизмы, запускающие становление локальных сообществ и препятствующие их дезинтеграции. В наши задачи здесь не входит выработка единой теории формирования сообществ. Мы заинтересованы в том, чтобы предложить взгляд на сообщество как переменную величину – взгляд, который позволил бы задействовать разные объяснения сплочения сообществ. Для этого подхода изучение сообщества – это не исследование «ставшего», а исследование «становящегося».

Мы рассмотрим несколько случаев, все они обнаруживают разные основания и способы становления сообщества. Дополнительные примеры можно найти в других статьях этого блока. Все эти примеры опираются на материалы, собранные в рамках проекта «Летняя социологическая практика» – коллективных экспедиций (2010–2015) в малые города России (Кологрив, Гороховец, Мышкин, Каргополь)⁴. Города располагаются в Европейской части России, их население не превышает 15 тыс. человек. Выбор малых городов в качестве мест проведения полевых экспедиций был обусловлен несколькими причинами. С одной стороны, это континуум «город/село» и характерное для классической социологии представление о локальном сообществе как идеале сообщества. С другой стороны, существуют методологические соображения: наблюдение в малом городе силами небольшой команды дает возможность обойти город пешком, нарисовать его карту, несколько раз побывать в ключевых точках и почувствовать себя объектом наблюдения со стороны местных жителей. Все это позволяет получить целостное представление об устройстве социальной жизни города.

⁴ «Летняя социологическая практика» – совместный проект Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ и социологического клуба «Город» при факультете социальных наук НИУ ВШЭ. Основные методы сбора информации – включенное наблюдение и глубинное интервью. В ходе проекта было собрано более 250 глубинных интервью, выдержки из которых приводятся здесь. Сбор данных осуществлялся коллективом из 10–20 человек в летний период, что накладывает определенные ограничения на результаты описываемых наблюдений. Сезонный фактор влияет на структуру населения города в силу разных причин – период отпусков; приток туристов, приезжих и родственников. Кроме того, обычно летний сезон заканчивается важными событиями в жизни горожан – начало учебного года, выборы. Разные категории жителей так или иначе готовятся к этим событиям, что отражается на восприятии социологов, приехавших из московского университета.

Выбранные для исследования города различаются (для каждого из них был составлен свой «профиль»). Кологрив и Каргополь представляют собой территориально изолированные местности, поскольку значительно удалены от железнодорожных станций (перемещение грузовых автомобилей подвержено сезонным ограничениям), для них характерно незначительное изменение соотношения оттока и притока населения на протяжении года. Мышкин и Гороховец, напротив, располагаются вблизи крупных городов, федеральных трасс и железных дорог, являются местом посещения туристов как в летние, так и в зимние месяцы. У городов разные исходные данные для формирования исторической идентичности. Если Гороховец и Каргополь отсчитывают свою историю от XII–XIII веков, то Мышкин и Кологрив – с XVIII века, вследствие чего их порой обозначают как города, «придумавшие себе историю». Несмотря на приблизительно одинаковую численность населения (и сходные темпы падения его численности в постсоветский период), города различаются по количеству гостиниц, сетевых магазинов, кредитных организаций, действующих храмов, объектов музейного показа.

При этом во всех городах исследователь в той или иной степени сталкивается с «нарративом упадка» – прежде всего это связано с тем, что уезжает молодежь, которая не видит перспективы. Малые города заметно страдают от того, что их жители переезжают поближе к мегаполисам; и дело здесь не столько в демографической убыли, сколько в том, что местные жители не видят общего проекта, который мог бы вернуть утекающую в большие города энергию. Во всех городах респонденты выражают тоску по крупным производствам, которые в советское время обеспечивали занятость и создавали ощущение общего дела. Наличие в городе собственного производства связывается со стабильностью жизни и обосновывает существование всего города, вписывая его в единую систему разделения труда в национальной экономике. Сейчас считается, что восстановление заводов невозможно, и жители лишились привычной коллективной идентичности.

Результатом становится снижение уровня социальной сплоченности. Это проявляется в повседневной жизни – преобладает низкая интенсивность контактов с горожанами; приватная, семейная жизнь вытесняет общественную; отсутствует общий досуг; взаимопомощь возможна преимущественно при взаимодействии с близкими знакомыми. Другое проявление атомизации – низкая вовлеченность в политическую жизнь города и отсутствие представления о наличии общих проблем, которые могли бы решаться совместными усилиями. Малые города в такой ситуации сложно рассматривать как сообщества в том смысле, в котором это делалось в традиционных исследованиях сообществ, – область совместной жизни в них невелика, основные жизненные стратегии населения связаны с другими местами, уровень экономической независимости городов низок, система неравенства также выстраивается под воздействием внешних факторов.

В этих условиях факторы сплочения вызывают особенный интерес. Несмотря на все сказанное, существуют ситуации, в которых коллективная жизнь интенсифицируется, что приводит в том числе и к изменению экономического положения. Мы рассмотрим три такие ситуации.

ДАРООБМЕН VS. РЫНОК: ДОЛГОВЫЕ КНИГИ

Каким образом происходит интеграция сообщества? Одним из наиболее разработанных ответов на этот вопрос в антропологии стала теория дарообмена. Ее основы заложили в 1920-е годы Бронислав Малиновский и Марсель Мосс. Оба теоретика построили рассуждение на противопоставлении между дарообменом и утилитарным (рыночным) обменом – в этом базовом положении ясно отражается влияние классических оппозиций Тённиса и Дюркгейма. При этом, однако, Малиновский ([1922] 2004) занял дуалистическую позицию, утверждая, что обмен дарами и рыночное взаимодействие основаны на разных принципах, а Мосс ([1923–1924] 1996), напротив, стремился доказать, что современный рыночный обмен представляет собой превращенную форму дарообмена. Как тот, так и другой подходы исходят из того, что поддержание сплоченности сообщества осуществляется только благодаря механизмам дарообмена.

Антропологи субстантивистского направления утверждали, что институты рыночной экономики подрывают дарообменные структуры и оказывают на сообщество разлагающее влияние (Поланьи [1957] 2002; Bohannan 1955). Впоследствии этот тезис был существенно скорректирован, поскольку обнаружилось, что сообщества способны ассимилировать рыночные институты и наделять их новым смыслом (Parry and Bloch 1989; Guyer 2004). В то же время невозможно отрицать, что, когда привычные для мегаполисов практики приходят в относительно замкнутые сообщества, они способны существенно преобразовать их жизнь. Распространение таких обычных для рыночной экономики институтов, как предпринимательство, супермаркеты или потребительские кредиты, открывает возможность абстрактного, безличного взаимодействия и бросает сообществам серьезные вызовы. По мере того как такие институты появляются в малых городах, устойчивость локальных сообществ оказывается под угрозой.

Жесткие образцы, которые регулировали многие хозяйственные взаимодействия (например, одалживание денег у соседей, обмен продовольствия на услуги, нормы честности при покупке), получают серьезные альтернативы. Вместо того, чтобы попросить займы, можно взять потребительский кредит. Товар на прилавке, который прежде отпускал продавец, теперь лежит без присмотра и словно бы не принадлежит никому. Тот же продавец, который воспринимался как распределитель продовольствия, с которым всегда можно договориться, предстает предпринимателем, который не может заниматься благотворительностью, если не хочет разориться.

В результате возникает множество ситуаций неопределенности, в которых взаимодействующим сторонам неясен формат коммуникации, – сам этот формат подвергается постоянному оспариванию. С одной стороны, принадлежность к сообществу навязывает формат дарообмена, с другой – рыночные институты диктуют свою логику. В этом случае порой возникают институциональные решения, которые позволяют справиться с неопределенностью, избегая при этом ясного определения взаимодействия.

Одним из таких вспомогательных институтов выступают долговые книги (Yudin and Pavlyutkin 2015). Долговые книги весьма распространены в магазинах

малых городов, особенно в городах, где ощущается недостаток ликвидности. Мы покажем это на примере Кологрива, где долговые книги на длительное время превратились в один из основных институтов розничной торговли.

Так магазинов-то много, так в каждом магазине вот такая тетрадка должников. Под запись дают... В каждом магазине, потому что иначе не выжить. А зарплаты у нас маленькие. И практически все... Редкий человек, который не ходит под запись брать... Продукты, продукты. В основном как раз продукты и берут. И не только продукты. Такая у нас жизнь. Жизнь здесь тяжелая вот насчет денег (Кологрив, женщина, покупатель).

Такая ситуация возникает из-за того, что сами магазины имеют двусмысленный статус. С одной стороны, продавцами в них (а часто и их владельцами) являются жители того же города, что и покупатели. Давление сообщества проявляется в том, что продавцы ощущают, что не могут не учитывать личные обстоятельства покупателя, который сетует, что у него нет денег (ситуация, которая редка в мегаполисе с его безличным взаимодействием). С другой стороны, благосостояние самих продавцов и владельцев магазинов зависит от их способности выручать деньги за товар.

Респондент: Некоторые и до сих пор вот не отдали – и три года прошло, и четыре.

Интервьюер 1: А чего ж даете, раз не отдают?

Респондент: Ну как – всех жалеешь. Входишь в положение.

Интервьюер 2: Потому что свои?

Респондент: Да, потому что... Все равно, в Москве-то совсем другое. Здесь-то друг друга знаешь, все друг про друга, все знаешь, ну как бы это вот... вообще... совершенно другая жизнь (Кологрив, женщина, владелец магазина).

Запись в долговую книгу под обещание отдать деньги позже оказывается способом избежать прямого конфликта – с одной стороны, не перевести сделку в подарок, а с другой – не проявить безучастность по отношению к члену своего сообщества. При этом многие должники не торопятся отдавать долги, так что взыскание долгов по книгам становится для предпринимателей серьезной головной болью и требует немалого дипломатического искусства. Таким образом долговые книги оказываются институтом, который ограничивает предпринимательские возможности, но при этом поддерживает локальное сообщество, оказывая моральное давление как на продавцов, так и на покупателей.

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА

Другой пример консолидации сообщества обнаруживается в ситуациях производства идентичности. Именно тематика конструирования идентичности совершила переворот в исследованиях сообществ в 1980-е годы, прежде всего – благодаря работам Андерсона, Коэна и Хобсбаума. Согласно конструктивистскому тезису, даже примордиальные сообщества, в которых субстанцией выступает нация, воз-

никают в результате символических манипуляций и могут сравнительно быстро формироваться и рассыпаться. Это, впрочем, не означает, что они не реальны – напротив, их члены воспринимают их как укорененные в истории и опознают на этом основании свою идентичность, а следовательно, такие сообщества вполне реальны по своим последствиям.

В сравнении с этим подходом мы допускаем при исследовании малых городов одно дополнение. Вместо того чтобы рассматривать сообщества как возникающие *ex nihilo*, мы исходим из того, что в небольшом территориально обособленном поселении обычно присутствует некоторая «память о сообществе». Она образует исторический потенциал для солидаризации, которая в свою очередь может происходить с разной интенсивностью и с задействованием разных символических ресурсов или не происходить вообще.

Как правило, задача «активизации» истории с целью построения особой идентичности встает перед многими российскими малыми городами в связи с амбициями в сфере туризма. Закрытие производств, экономическая депрессия и атомизация часто приводят к тому, что развитие туристической индустрии рассматривается как единственно возможное решение для малого города. В этот момент начинается поиск городом собственной уникальности, институционализированный в формате брендинга территорий. Этот процесс, однако, имеет неоднозначные последствия для сообщества: бренды могут быть навязанными, и тогда некоторое экономическое оживление сопровождается еще большей дезинтеграцией (Абалмасова и Паин 2011; Richards and Hall 2000). Это особенно актуально в случае резко конструктивистского подхода к брендингу, когда идентичность буквально создается «с нуля», демонстративно изобретается.

Впрочем, формирование устойчивого бренда также должно опираться на коллективную работу – и в этом смысле сплочение сообщества должно предшествовать выработке искусственной идентичности. Чтобы пояснить этот тезис, мы рассмотрим пример Мышкина – города, который добился большого успеха в развитии туризма за счет радикально конструктивистского подхода к формированию идентичности. В середине 1990-х годов символом города стала мышь; вокруг этого символа стали организовываться музеи, развлекательные программы, торговля сувенирами, и в результате за пятнадцать лет Мышкин сумел добиться роста туристического потока с нуля до 170 тысяч человек в год (это официальная и, вероятно, заниженная оценка)⁵.

Тем не менее консолидации сообщества, необходимой для создания и поддержания антиисторичного, «сказочного» бренда мыши, удалось добиться благодаря усилиям историков-краеведов. Краеведение – особый род знания, который в нынешнем виде восходит к государственной политике по формированию местного патриотизма во времена Никиты Хрущёва (Донован 2012). Краеведы располагают большим ресурсом сплочения сообщества за счет апелляции к истории и символам, которые наделяются сакральным статусом. Это позволяет создавать

⁵ Такую оценку предоставляют представители районной администрации, которые при этом полагают, что она является заниженной из-за несовершенства методики подсчета.

достаточно крепкие группы подростков, которые объединяются общими ритуалами и разделяемым пониманием миссии восстановления и сохранения местной истории.

Большинству парней, особенно кто постарше был, нравилась такая чисто, не знаю, как слово подобрать, военная – не военная... Военной у нас не было точно такой направленности, такая очень героизированность что ли всех наших дел, то есть геройство такое. И очень нравилось всем в музее, практически всем нравилось быть героем, как у Высоцкого поется (Мышкин, мужчина, краевед).

Где взять самоотверженные кадры, если не ребят? В конце концов образовалась замечательная ребячья республика – храбрая, мощная, уверенная в себе, дерзкая до беспотребности абсолютно, в которой была своя иерархия, своя подчиненность, все свое, вплоть до флага, гимна, герба, правительства (Мышкин, мужчина, член районного общественного собрания).

Ключевым направлением деятельности мышкинского Народного музея стал сбор старинных артефактов, сохранившихся в домохозяйствах, – типичный для краеведов способ формирования локального исторического нарратива. Это позволило сформировать сплоченную группу краеведов, обладающую правом символической репрезентации местного сообщества. Во многом благодаря настойчивости краеведов в начале 1990-х годов удалось закрепить за Мышкиным статус города.

Поэтому когда районная администрация при участии местных культурных элит приняла решение сделать основным направлением работы с туристами неаутентичный символ мыши, краеведы и активисты музея сформировали новую идентичность, презентуемую туристам. В результате краеведение с его претензиями на аутентичность интересным образом переплелось с новой конструктивистской символикой: в городе соседствуют музеи, посвященные «мышинной» тематике, и краеведческие собрания артефактов, представляющие местные традиции (часть из них, впрочем, является вымышленными). Краеведение выступает основным дискурсом о городе, скрепляющим столь разрозненные элементы, а уроки краеведения помогают привлекать в туристическую отрасль молодых людей (Юдин и Колошенко 2014).

Со временем в среде занятых и управляющих туризмом более ощутимыми стали разногласия между сторонниками аутентичного подхода к истории и теми, кто скорее ориентирован на коммерчески успешную сказку. Вместе с этим участились и жалобы жителей на то, что Мышкин превращается в «город для туристов», что на развитие туристической индустрии идут все средства города. Однако в целом исходного импульса сплочения достаточно для того, чтобы вовлекать местных жителей в коллективную работу по презентации сообщества (в роли экскурсоводов и продавцов сувениров, а также в форме изобретения праздников и музеев) или, как минимум, убеждать их не мешать этой работе (поддерживать в порядке туристический центр города). Перед туристами предстает целостный образ города и стоящего за ним сообщества, а не аттракционы, принадлежащие разрозненным предпринимателям, и в этом залог туристического успеха Мышкина.

СПЛОЧЕНИЕ СООБЩЕСТВА: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Приведенные в этой статье примеры призваны продемонстрировать возможности, которые открывают для исследования малого города такие вопросы, как «Что делает малый город сообществом?», «Как происходит сплочение?» Эти вопросы продолжают классическую социологическую проблематику, связанную с возможностью социального единства в современном обществе. И если в рамках традиции изучения сообществ в XX веке эти вопросы ушли в тень, то причиной этому стало стремление вскрыть механизмы, стабилизирующие «чистые типы» сообществ. Однако само по себе представление о малом городе как идеальном воплощении общества может оказаться проблематичным. Столкновение с атомизацией и распадом солидарности подталкивает к тому, чтобы выяснить, что мобилизует и поддерживает сообщество в малом городе.

В материалах этого тематического блока читатель сможет найти разные ответы на эти вопросы⁶. В статье Константина Глазкова акцент делается на разделяемом топографическом образе города как основе противопоставления города внешней среде. Для этого используется техника ментального картографирования, которая позволяет сопоставить степень однородности образов в городах с разной численностью населения. Екатерина Павленко описывает потенциал городских праздников как институтов интеграции сообщества. Ритуал – классический механизм солидаризации, однако отнюдь не всякий праздник способен выполнить эту функцию. С помощью наблюдения за подготовкой и протеканием праздника предпринимается попытка объяснить, что же делает праздник праздником в социологическом смысле. Полина Врублевская обращается к анализу солидаризации приходской общины. Во множестве малых городов России церковь – это наиболее естественная точка объединения людей в приходе и за его пределами. В статье обсуждается роль священника в формировании общин в православных приходах. Иной подход предлагает Варвара Кобыща, которая прослеживает формирование единства на уровне нарратива о городе. Сопоставляя между собой «нарратив упадка» и «нарратив развития» в двух разных городах, автор показывает, как формируются общие для горожан жизненные стратегии и модели поведения.

Поиск оснований для объединения – не только политическая, но и социологическая проблема. Каким бы сильным ни было разобщение, возможности для мобилизации всегда сохраняются, и это можно видеть на примере российских малых городов, где в условиях низкой политической активности и утраты коллективной идентичности некоторые формы единства, тем не менее, поддерживаются, а иные устанавливаются заново с большим или меньшим успехом. От содержания и успешности этой деятельности зависят не только экономические перспективы конкретных городов, но и направление развития политической жизни общества в целом. Эта динамика объединения/разъединения составляет особое измерение социального мира, которое нуждается в адекватном эмпирическом описании.

⁶ Все тексты основаны на данных, собранных в рамках проекта «Летняя социологическая практика», и в значительной степени являются результатом коллективной работы участников проекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абалмасова, Надежда и Эмиль Паин. 2011. «Опора на символы в формировании региональной идентичности». *Известия РАН. Серия географическая* 6:17–29.
- Андерсон, Бенедикт. [1982] 2001. *Воображаемые сообщества*. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле.
- Вебер, Макс. [1920] 2008. «Основные социологические понятия». *Социологическое обозрение* 7(2):89–127.
- Вирт, Луис. [1938] 2005. Урбанизм как образ жизни. С. 93–118 в *Избранные работы по социологии*. М.: РАН ИНИОН.
- Димке, Дарья и Ирина Корюхина. 2013. «Поселок городского типа: временные ритмы деурбанизированного сообщества». *Социология власти* 2:73–93.
- Добрякова, Мария. 1999. «Исследования локальных сообществ в социологической традиции». *Социологические исследования* 7:125–133.
- Донован, Виктория. 2012. «“Идя назад, шагаем вперед”: краеведческие музеи и создание местной памяти в Северо-Западном регионе. 1956–1981». *Антропологический форум* 16:379–402.
- Дюркгейм, Эмиль. [1893] 1991. *О разделении общественного труда. Метод социологии*. М.: Наука.
- Дюркгейм, Эмиль. [1914] 2013. «Дуализм человеческой природы и его социальные условия». *Социологическое обозрение* 12(2):133–144.
- Крёбер, Альфред. [1957] 1997. «Стиль и цивилизации». С. 225–270 в *Антология исследований культуры*. Том 1, *Интерпретации культуры*, под ред. Светланы Левит. СПб.: Университетская книга.
- Ледяев, Валерий. 2012. *Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах*. М.: Издательский дом ВШЭ.
- Малиновский, Бронислав. 1997. «Функциональный анализ». С. 681–702 в *Антология исследований культуры*. Том 1, *Интерпретации культуры*, под ред. Светланы Левит. СПб.: Университетская книга.
- Малиновский, Бронислав. [1922] 2004. *Аргонавты Западной части Тихого океана*. М.: РОССПЭН.
- Мосс, Марсель. [1923–1924] 1996. «Очерк о даре». С. 59–158 в *Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии*. М.: «Восточная литература» РАН.
- Парк, Роберт Эзра. [1926] 2006. «Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок». *Социологическое обозрение* 5(1):11–18.
- Плюснин, Юрий. 2000. *Малые города России*. М.: МОНФ.
- Поланьи, Карл. [1957] 2002. «Экономика как институционально оформленный процесс». *Экономическая социология* 3(2):62–73.
- Рэдклифф-Браун, Альфред. [1952] 2001. *Структура и функция в примитивном обществе*. М.: «Восточная литература» РАН.
- Тённис, Фердинанд. [1887] 2002. *Общность и общество*. СПб.: Владимир Даль.
- Тёрнер, Виктор. [1966] 1983. «Ритуальный процесс: структура и антиструктура». С. 104–264 в *Символ и ритуал*. М.: Прогресс.
- Хобсбаум, Эрик. [1994] 2004. *Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991)*. М.: Издательство «Независимая газета».
- Чаянов, Александр. 1989. *Крестьянское хозяйство. Избранные труды*. М.: Экономика.
- Юдин, Григорий и Юлия Колошенко. 2014. «Стратегии производства туристического опыта в малом городе: Локальное сообщество и символическое конструирование в городе Мышкин». *Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований* 5:5–14.
- Amit, Vered, ed. 2002. *Realizing Community: Concepts, Social Relationships and Sentiments*. London: Routledge.
- Bell, Colin, and Howard Newby. 1974. “Lloyd Warner and His Critics.” Pp. 282–292 in *The Sociology of Communities: A Selection of Readings*, edited by Colin Bell and Howard Newby. London: Frank Cass & Co. Ltd.
- Blackshaw, Tony. 2009. *Key Concepts in Community Studies*. London: Sage.

- Bohannon, Paul. 1955. "Some Principles of Exchange and Investment among the Tiv." *American Anthropologist* 57(1):60–70.
- Brint, Steven. 2001. "Gemeinschaft Revisited: A Critique and Reconstruction of the Community Concept." *Sociological Theory* 19(1):1–23.
- Cohen, Anthony P. 1985. *The Symbolic Construction of Community*. London: Routledge.
- Cohen, Anthony P., ed. 2000. *Signifying Identities: Anthropological Perspectives on Boundaries and Contested Values*. London: Routledge.
- Cole, John W. 1977. "Anthropology Comes Part-Way Home: Community Studies in Europe." *Annual Review of Anthropology* 6:349–378.
- Delanty, Gerard. 2003. *Community*. London: Routledge.
- Durkheim, Emile. [1912] 1968. *Les formes élémentaires de la vie religieuse*. Paris: Les Presses universitaires de France.
- Elias, Norbert. 1974. "Foreword—Towards a Theory of Communities." Pp. ix–xliii in *The Sociology of Communities: A Selection of Readings*, edited by Colin Bell and Howard Newby. London: Frank Cass & Co. Ltd.
- Fabian, Johannes. 2014. *Time and the Other: How Anthropology Makes Its Object*. New York: Columbia University Press.
- Frankenberg, Ronald. 1966. *Communities in Britain: Social Life in Town and Country*. Harmondsworth, UK: Penguin.
- Gerhardt, Uta. 2011. *The Social Thought of Talcott Parsons: Methodology and American Ethos*. Farnham, UK: Ashgate.
- Goist, Park Dixon. 1971. "City and 'Community': The Urban Theory of Robert Park." *American Quarterly* 23(1):46–59.
- Guyer, Jane. 2004. *Marginal Gains: Monetary Transactions in Atlantic Africa*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lynd, Robert, and Helen Merrell Lynd. 1929. *Middletown: A Study in American Culture*. New York: Harcourt Brace.
- Parry, Johnathan, and Maurice Bloch, eds. 1989. *Money and the Morality of Exchange*. New York: Cambridge University Press.
- Parsons, Talcott. 2007. *American Society: A Theory of the Societal Community*. Boulder, CO: Paradigm Publishers.
- Richards, Greg, and Derek Hall. 2000. "The Community: A Sustainable Concept in Tourism Development?" Pp. 1–14 in *Tourism and Sustainable Community Development*, edited by Derek Hall and Greg Richards. London: Routledge.
- Scholte, Bob. 1972. "Toward a Reflexive and Critical Anthropology." Pp. 430–457 in *Reinventing Anthropology*, edited by Dell H. Hymes. New York: Pantheon Books.
- Shanin, Teodor, ed. 1971. *Peasants and Peasant Societies: Selected Readings*. Harmondsworth, UK: Penguin.
- Shanin, Teodor. 1972. *The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910–1925*. Oxford: Clarendon.
- Shaw, Clifford R. 1930. *The Jack-Roller: A Delinquent Boy's Own Story*. Chicago: University of Chicago Press.
- Stacey, Margaret. 1969. "The Myth of Community Studies." *British Journal of Sociology* 20(2):134–147.
- Stein, Maurice. 1960. *The Eclipse of Community: An Interpretation of American Studies*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Warner, W. Lloyd. 1952. *The Structure of American Life*. Edinburgh: University Press.
- Willmott, Peter, and Michael Young. 1960. *Family and Class in a London Suburb*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Wirth, Louis. 1928. *The Ghetto*. Chicago: University of Chicago Press.
- Yudin, Greg, and Ivan Pavlyutkin. 2015. "Recording the Ambiguity: The Moral Economy of Debt Books in a Russian Small Town." *Cultural Studies* 29(5–6):807–826.
- Zorbaugh, Harvey. 1929. *The Gold Coast and the Slum*. Chicago: University of Chicago Press.

COMMUNITY AS A GIVEN VERSUS COMMUNITY AS A PROCESS: STRATEGIES FOR STUDYING SMALL TOWNS

Ivan Pavlyutkin, Greg Yudin

Ivan Pavlyutkin is Assistant Professor in the Faculty of Social Sciences, National Research University–Higher School of Economics. Address for correspondence: ul. Miasnitskaia, 9–11, room 530, Moscow, 101000, Russia. ipavlutkin@hse.ru.

Greg Yudin is Senior Researcher at the Laboratory for Studies in Economic Sociology, National Research University–Higher School of Economics. Address for correspondence: ul. Miasnitskaia, 9–11, room 530, Moscow, 101000, Russia. greg.yudin@hse.ru.

Community studies in social sciences tend to treat community as a given object with structural characteristics to be revealed. This approach is particularly adopted by researchers of local communities, including small towns. However, it is questionable whether all spatially localized social aggregates can be rightfully called communities. This paper argues that even though this approach has a long tradition in social sciences, it cannot deal adequately with the key issue of integration and disintegration of communities. We rely on classical sociological theory to suggest a strategy of analysis that pays attention to the dynamics of social cohesion and considers communities from the standpoint of unification processes. Building on empirical data gathered during our studies of Russian small towns, we indicate several mechanisms of consolidation that support the cohesion of communities.

Keywords: Community; Small Town; Social Cohesion; Gift Exchange; Local Identity